

Книжное обозрение

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

КАРМАДОНОВ О.А., ЗВЕРЕВ М.К.

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОТОКИ И ПРЕГРАДЫ

Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды : монография. – Иркутск : Изд-во ИрГУ, 2012. – 223 с.

Важным условием модернизации современного российского общества является социальная консолидация, изучение которой стало одним из приоритетных направлений исследований в социальной философии и социологии последних лет. Однако большинство работ посвящается отдельным аспектам развития консолидационных процессов: идентичности, институциональному и межличностному доверию, роли отдельных институтов в сплочении общества. Вместе с тем в российской науке ощущается недостаток масштабных исследований в данной области. Одним из таких является монография, представленная авторами из г. Иркутска в 2012 году, но не утратившая свою актуальность.

Данная монография является междисциплинарным исследованием, выполненным на стыке социальной философии и социологии. Ее комплексный характер отражается в структуре, где сначала прослеживается эволюция понятия «социальная солидарность», а затем осуществляется переход к проблемам социальной консолидации с точки зрения общественного мнения россиян.

В данной работе понятия «консолидация» и «солидарность» используются как синонимичные, однако с некоторыми оговорками. Социальная консолидация авторами в значительной степени представляется как процесс, а солидарность – как его результат (с. 123). В ряде случаев вводится понятие «интеграция», также используемое как взаимозаменяемое с приведенными выше терминами.

Глава 1 представляет собой критический анализ философских концепций социальной солидарности, распространенных в период постмодерна (М. Вебера, А. Бергсона, О. Конта, Э. Дюркгейма и др.). В результате анализа авторы приходят к выводу о большей степени адекватности марксистского подхода к консолидации / дифференциации общества (с. 15). Общей чертой всех концепций они отмечают дихотомию социальных состояний («принудительный / «добровольный» союз, «механическая» / «органическая» солидарность), а также заключают, что консолидация невозможна без разделяемой всеми членами общества (или их большинством) сложной символической системы, включающей в себя воззрения, убеждения, стереотипы, верования, нормы и правила (с. 25).

Особо авторы останавливаются на анализе русской философской мысли (Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, С.А. Левицкий, Н.А. Бердяев и др.), разграничивая иерархический (органический) и антииерархический персонализм отечественных мыслителей. Особенностью «русской» школы является акцент на понятии «соборность» как ценности, способной обеспечить консолидацию общества. Вместе с тем соборность предполагает возможность сплочения социума только в процессе переживания религиозного опыта, что в определенной мере противопоставляет ее солидарности.

Исследователи заключают, что тема социальной солидарности до сих пор активно обсуждается в международном общественном сознании, что связано с тревогами по поводу современных интеграционных процессов, особенно в странах Западной Европы из-за проблем миграции и неудачных попыток «встраивания» вновь прибывших в общество (с. 111). Однако, как они справедливо отмечают, в России проблема солидарности стоит неизмеримо острее, нежели в западных странах (с. 74).

Глава 2 монографии посвящается особенностям социальной солидарности в различных культурах-цивилизациях современного мира. В индивидуализированном западном обществе отсутствует механическая (традиционная) солидарность, а ее всплески являются предпосылками коллективного страха и эффекта мобилизационного сознания в условиях проявления внешней угрозы (с. 88). Действительно, ярким примером стало сплочение американского общества в условиях террористической угрозы после событий 11 сентября 2001 года. В современной Европе складывается парадоксальная ситуация, когда основные угрозы солидарности исходят из самих основ западного общества – политики уважения многообразия и стремления к тотальной социальной защите (с. 111).

Напротив, механическая солидарность присутствует в арабо-мусульманской культуре, когда сообщества примиряются через ислам как религию и по существу образ жизни большинства населения (с. 90). Однако, на наш взгляд, среди мусульманских сообществ в последние годы обострились тенденции дифференциации, во многом связанные с приверженностью большинства населения отдельных стран к различным направлениям ислама (суннизму, шиизму, алавизму).

Авторы выделяют особое место российской культуре-цивилизации, трансформирующейся в условиях глобализационных процессов. Результатом последних десятилетий стали утрата идентичности россиян, размывание источников и оснований солидарности, рост уровня дифференциации общества (с. 96-98).

Солидарность существует на макро- и микроуровнях, причем макросоциальная солидарность не может существовать без солидарности на микроуровне (с. 124). Наоборот, микросолидарность может иметь место при отсутствии макросоциальной солидарности. В случае наличия обоих начал можно говорить о согласованной солидарности (с. 125).

Авторами выделяются формы социальной консолидации, которые можно разделить на две группы: неосязаемые (идеология, религия, культура, идентичность, эмпатия) и осязаемые, включающие насилие, «всеобщее благосостояние» и социальную коррупцию в ее материальном выражении (с. 126).

Несомненной заслугой исследователей солидарности является формирование теоретической методологической модели, включающей вертикальные и горизонтальные «потoki» («двухпоточной» консолидационной системы). В этой системе вертикальный вектор социальной солидарности соответствует макросоциальному уровню, где социальный процесс устремляется от власти к обществу и обратно. В рамках горизонтального вектора консолидационный процесс совершает круговорот внутри сообществ и между сообществами. В нормальном состоянии они дополняют друг друга (с. 126). Авторы справедливо утверждают, что большую живучесть демонстрирует горизонтальный вектор, а вертикальный ослабевает быстрее (с. 130).

Наибольший практический интерес представляет собой содержание Главы 3, где характеризуется социальная солидарность в современном российском обществе. Она подготовлена на материалах нескольких социологических исследований и содержит значительный эмпирический материал, способствующий пониманию консолидационных процессов, происходящих в стране на этапе трансформации всех сфер общественной жизни.

Одним из дискуссионных вопросов, освещаемых в данной главе, стало наличие солидарности в российской исторической традиции и в современном социуме. Авторы присоединяются к мнению о высоком уровне консолидации советского общества (с. 136-137), при этом отмечая, что современное общество задержалось на уровне традиционного состояния, так и не достигнув современного (с. 137).

Для российского социума XXI столетия в значительной мере характерны тенденции дифференциации. Произошел разрыв между элитными и массовыми группами населения, культурный раскол между поколениями; отмечается прерывистость социокультурных связей, когда среднее и старшее поколения обучаются у младшего (с. 143-145). Водораздел общества происходит в основном по линии достатка, при этом многие относят себя к «бедным и нищим» (с. 149, 152), что вполне подтверждается результатами социологических опросов, проводимых ИСЭРТ РАН.

Кроме того, вертикальный «поток» социальной солидарности, как отмечают авторы, ослабляется отсутствием единой идеологической системы, рассогласованием по материально-статусным характеристикам, доминированием равнодушия и административного ресурса в отношении власти к народу (с. 156-157). Результаты проведенного исследования общественного мнения показали наличие у населения нормативного диссонанса, когда реальность слишком резко расходится с представлениями о ней (с. 164). Авторы также отмечают фактическое отсутствие идентификации сограждан с ключевыми политическими фигурами и реализуемыми государственными программами развития страны, а также низкий уровень макросоциальной солидарности в целом (с. 170-171, 173). Важно отметить, что события 2014 – 2015 гг. (воссоединение Крыма с Россией, конфликт на Юго-Востоке Украины, санкционная политика Запада) привели к сплочению населения вокруг личности главы государства и усилили патриотические настроения большинства населения, что подтверждается результатами общероссийских и региональных социологических опросов. В монографии, вышедшей в 2012 году, современные тенденции в общественном мнении по понятным причинам не могли найти отражения, что не умаляет заслуг авторов.

Горизонтальный (микросоциальный) поток социальной солидарности оценивается ими не в качестве консолидационного потенциала, а как адаптационный ресурс. При этом авторы отмечают, что солидаризация на первичном уровне все-таки является определенным гарантом социальной консолидации на уровне социетальном (с. 187, 190).

Наиболее значительный пласт эмпирического материала посвящен исследованию семьи как института, где сохраняется значительный социально-консолидационный потенциал благодаря действенности внутреннего социального контроля, межпоколенческой преемственности и высокой значимости семьи в формировании социального самочувствия. Авторы считают семью одним из последних оплотов социальной консолидации в российском обществе в целом (с. 205).

В целом данная монография представляет собой целостное, глубокое и законченное исследование проблемы социальной консолидации (солидарности). Сильной стороной данной работы является гармоничное сочетание философского и социологического анализа происходящих процессов. При подготовке монографии использован значительный комплекс источников и литературы, что усиливает ее значимость в ряду современных исследований. Несмотря на сложность понятийного аппарата и введение новых понятий и конструкций, авторам удалось подготовить текст, сочетающий высокий научный уровень и доступный для восприятия и понимания стиль изложения.

Вместе с тем, разграничивая понятия «консолидация» и «солидарность», авторы чаще используют их как взаимозаменяемые вне зависимости от контекста, что заметно даже в оглавлении работы.

Осталось без внимания и соотношение данных понятий с термином «интеграция», также периодически встречающимся в тексте монографии.

Как представляется, для полноты исследования было бы вполне уместным обратиться к анализу таких факторов социальной консолидации, как институциональное и межличностное доверие, идентичность населения.

Возможно, излишним является обвинение отечественных философов конца XIX – начала XX вв. в отсутствии критического осмысления социальных реалий российского общества, следствием которого в определенной мере стали трагические события 1917 года и последующих лет (с. 45).

О.Б. Молодов

*кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
ФГБУН ИСЭРТ РАН*